И.Л.Андреев

"ДОСТОВЕРНЫЙ ОХОТНИК"

(к вопросу о месте и роли службы в XVII в.)

О страстном увлечении царя Алексея Михайловича "красной соколиной охотой" общеизвестно. То на самом деле была страсть великая, отмеченная печатью постоянства и даже вдохновения. В охоте царь находил радость и сердечную отраду. Он вглядывался в стремительный полет соколов и кречетов с той же жадностью, с какой царь Петр несколько десятилетий спустя примется рассматривать корабельные чертежи. В этом они оба, и отец, и сын, схожи друг с другом. И одновременно разительно отличны, как отличны их царствования. Петр изначально придал своим увлечениям "государственный характер", поставил их на службу Отечеству. Из его "потешных" выросла гвардия, из ботика — флот, из собрания "уродцев" — первый русский музей. От увлечения Алексея Михайловича осталось иное — воспоминания и известный "Урядник сокольничьего пути". Это тоже немало, но, понятно, не идет ни в какое сравнение с содеянным Петром. Алексей Михайлович, увлекаясь, развлекался, Петр — созидал. Это сказано вовсе не в упрек второму Романову. Просто разные масштабы личностей и эпох, в которые они жили.

Сам Алексей Михайлович называл себя "охотником достоверным", вкладывая в это определение нечто большее, чем просто настоящий охотник. Достоверный — не только охотник истинный, завзятый, до тонкостей знающий охотничье дело, а и сумевший увидеть поэзию и опоэтизировать свое увлечение. Именно это позволило историкам литературы включать "Урядник" в число литературных памятников Древней Руси. В нем видят начала эстетические, слово художественное. Но "Урядник" — это еще и целое мировоззрение, своеобразный проект создания мерного и благочинного общества. Его автор подымается до начал философских, он анатомирует мир и одновременно синтезирует, воедино соединяет его. С этой точки зрения обращение к "Уряднику" открывает перед историками совершенно неожиданные горизонты, поскольку позволяет выявить общие принципы "устроения мира". Далеко не каждый источник с такой полнотой дает возможность сделать это. И именно с этих позиций мы попытаемся взглянуть на этот памятник применительно к центральной теме нашего исследования — служба в XVII столетии.

Но предварительно следует попытаться ответить на еще один чрезвычайно важный вопрос об авторстве "Урядника".

В литературе по этому вопросу нет единого мнения. Диапазон колебаний — от признания "Урядника" авторским произведением Алексея Михайловича до осторожных выводов о безусловном участии царя в создании этого произведения[1]. Но если первая точка зрения может быть признана верной лишь при обнаружении бесспорных доказательств — прямого указания, автографа произведения (а это маловероятно), то вторая оставляет открытым вопрос о степени участия Тишайнего в создании "Урядника". А именно здесь есть возможности для уточнений. В фонде Тайного приказа находятся два списка "Урядника" с незначительными, но тем не менее примечательными разночтениями[2]. Все они — результат правки Алексея Михайловича.

Эта правка носит уточняющий характер. Так, безымянное вступление к "Урядинку" во втором списке названо царем "Предисловие и сличие" (ч. 4, л. 1); в первом списке предисловие заканчивается названием "Пролог книжный или свой" (ч. 1, л. 16). Алексей Михайлович вносил также незначительные уточнения в тщательно разработанную процедуру посвящения в чин (ч. 1, л. 124 об. — 125). Встречаются и чисто стилистическая правка: вставка выражений "через срок" (ч. 4, л. 4), "черес", "через" "что во всякой вещи потреба мерение, сличие, составление, укрепление" (ч. 4, л. 5); исправления "их" на "ево" (ср. ч. 1, л. 4 и ч. 4, л. 8). Эти частности показательны, если вспомнить о манере работы Алексея Михайловича. Царь по несколько раз правил даже письма, причем любил править то, что уже было переписано набело. Словом, манера работы над "Урядником" совершенно такая же, как и над другими памятниками, авторство которых не вызывает сомнений. Даже отсутствие автографа не кажется случайным: его могло и не быть, поскольку царь нередко диктовал письма, а затем старательно правил, уточняя не только смысл, а и стиль[3].

Кстати, стилистическая близость "Урядника" с произведениями и письмами Алексея Михайловича несомненна. Владея в совершенстве эпистолярным каноном, царь нередко выходил за рамки жанра и обнаруживал склонность к разговорному, "демократическому" стилю, свойственному ряду писателей-старообрядцев[4]. Эту стилистическую тождественность легко найти в "Урядинке", особенно в его Предисловии.

Роднит "Урядник" с писаниями царя и форма. Здесь та же авторски неодолимая тяга к подробности, любование деталью в сочетании с живой манерой изложения. В этом смысле показательно сравнение "Урядника" с описанием церемонии отпуска полка боярина князя А.Н.Трубецкого. Царь вложил в эту церемонию глубокий смысл: она означала для него не просто начало войны с Польшей, а

начало освобождения угнетаемого православного населения Малой и Белой России, первых шагов на пути создания Вселенского православного царства. Именно в этом ключе и была сделана царем правка списка Отпуска, с явным стремлением придать тексту большую публицистичность, торжественность и праздничность. После напутственной речи царя воеводы, к примеру, кланялись до земли и "покланяся.., подступали един за единым благочинно"; первый отвечал Трубецкой, "и говорил речь тихо, опасно, с радостными слезами"[5].

Но тот же прием присутствует в тексте "Урядника". Так, новопожалованный в чин и его товарищи должны были предстать перед царем "благочинно, смирно, урядно"; остановиться новопожалованному же следовало "поодоле" от государя, причем не просто так, а "человечно, тихо, бережно, весело"; птицу же при этом следовало держать "честно (достойно), явно, опасно (осторожно), стройно, подправительно (исправно, по образцу), подъявительно (напоказ) к видению человеческому и к красоте кречатье"[6].

Приведенные выше соображение если и не дают основания считать Алексея Михайловича бесспорным и единственным автором "Урядника", то по крайней мере уточняют характер его участия — творческого и активного. Для нашей же темы особенно важно подчеркнуть, что "Урядник" оказался адекватен мироощущению и мировосприятию Тишайшего. Диктовал ли он его, писал от первой до последней строчки или лишь какую-то часть — все это были мысли Алексея Михайловича, им взлелеянные и высказанные. Вот почему принципы и меры ценности в "Урядникe" — это царские принципы и ценностные ориентации, с которыми он подходил к человеку. В конкретном своем воплощении большая часть их должна была реализовываться и действительно реализовывались в сфере службы. Поэтому для уточнения взглядов и требований Алексея Михайловича к службе уместно привлечь не один "Урядник", а и обширное эпистолярное наследие царя. В них тема службы встречается повсеместно: чувствуется, что для "достоверного охотника" она чрезвычайно важна.

Подобное отношение к службе не было случайностью. Связано оно с тем огромным значением и ролью, какую занимала служба в жизни государства и общества, каждого служилого человека. Определим в общих чертах эти "параметры" службы.

К середине — второй половине XVII столетия сложилась своеобразная идеология и психология службы, равно важная для соучаствующих в ней сторон, власти и дворянства. Первая в этот период не без успеха приспосабливала "философию службы" к потребностям и установкам формирующегося абсолютизма. Вторая сторона с еще большим успехом использовала ее для предъявления сословных требований. В сознании дворян и детей боярских любое утеснение их

интересов воспринималось как посягательство на службу и следовательно — на "государево дело". Эта взаимосвязь обрела свойства стереотипа, вошла в кровь и плоть служилого человека и проявлялась повсеместно — в больших и малых делах, частных и коллективных челобитных[7].

Не следует забывать, что служба, составляющая неотъемлемую и немалую часть дворянского бытия, представляла вполне самостоятельный объект забот служилого люда. Она оказывала огромное воздействие на сознание дворянства, его ценностные ориентации, модель поведения. В широком смысле служить, собственно, и значило жить. "Служить ленив, на службе не живет",— говорили окладчики, желая подчеркнуть служилую несостоятельность ратного человека[8]. Сами дворяне, подчеркивая свои заслуги, объявляли, что они, "помня Бога и совершая ко государю и ко всему Московскому государству прямую службу и раденья.., живут на службе и бьются"[9]. В челобитных и сказках служилых людей жизненный путь представлен как непрерывное служение, главные вехи которого — походы и осады. В глазах дворян служба подпирает весь порядок в царстве: наступает "поруха" в службе — шатается царство. В грамоте, излагающей мотивы низложения Василия Шуйского, говорится о всеобщей нелюбви к нему, отчего "...к нему ко государю не обращаются и служить ему не хотят"[10].

Служба выступала посредствующим звеном между властью и дворянством, обоюдоострым оружием, позволяющим воздействовать на соучаствующие стороны. Дворянство, особенно городовое, организовывалось на служебных началах, составляло так называемый "служилый город"; служба была главным основанием для чиновного движения и для пожалований. В свою очередь, власть оказывалась в зависимости от службы и служилых людей, особенно во время войн и внутренних кризисов. Поэтому вовсе не случайны социальные прорывы дворянства именно в эти трудные для правительства моменты.

Естественно, во взглядах на службу между правительством и дворянством были существенные расхождения. Или точнее, каждая из сторон подчеркивала свое кровное: правительство необходимость точного и неукоснительного выполнения всех служебных требований, дворянство — вопросы награждения, условий службы.

В середине столетия правительственный взгляд, как совокупность требований к служилым людям, наиболее полно выразил Алексей Михайлович. В указах, письмах и "Уряднике" он, по сути дела, сформировал идеальный образ служилого человека.

В "Уряднике" царское понимание службы "встроено" в своеобразную этическую модель мироустройства. "По его государеву указу никакой бы вещи без благочиния и без устроения уряженного и удивительного не было, и чтоб всякой вещи честь, и чин, и образец пи-

санием предложен был. Потому, хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна — никто же зазрит, никто же похулит, всякой... удивитця, что и в малой вещи честь, и чин, и образец положен по мере. А честь и чин и образец... учинен потому: честь укрепляет и возвышает ум, чин управляет и укрепляет крепость, урядство же уставляет и объявляет красоту и удивление, стройство же предлагает дело. Без чести... не славитца ум, без чину же всякая вещь не утвердитца.., безстройство же теряет дело и во ставляет безделье...

Что всякой вещи потреба? Мерение, сличие*, составление, укрепление; потому в ней или около ее: благочиние, устроение, уряжение. Всякая же вещь без доброй меры и иных вышеписанных вещей безделна суть и не может составитца и укрепитца"[11].

В этом описании круг замыкается. Ни что без "чина" не может "утвердитца", "объявить" свою красоту ("уряжение") и "честь". Но сам "чин" и "честь" должны быть "положены" по соответствующему "образцу", по "естеству" — "мере": без "меры" и "чина" не может быть "чести"; в "мерности" "чина" и "чести" — красота. Но "мера", "чин", "честь" и "образец" могут проявиться только через "стройство" — действие. В тексте "Урядника" все эти понятия наделены сильным смысловым и эмоциональным содержанием, несут, по сути, смысл онтологический и в истоках своих восходят к Святому писанию.

Важно однако, что царь допускает интерпретацию понятий, вмешательство в их смысл даже в тех случаях, когда, казалось, это недопустимо. Ведь человеку по силам лишь выявление меры, а не ее изменение. Но в том-то и выражается переходный характер эпохи, что в практическом смысле происходит изменение "мер" — ценностных оринтаций. Внутреннее оправдание для этого, по-видимому, иерархичность понятий, позволяющих опускать "высшие" понятия до "низших" с обязательным вмешательством государя. Тем более при сакральном восприятии Алексеем Михайловичем существа царского сана, носитель которого являет подданным Божественную волю. Такой взгляд был свойственнен второму Романову. Так, в грамоте князю Ю.Ромодановскому он писал: "Повелением всесильного, и великого, и бессмертного и милостивого царя царем и государя государем и всех всяких сил повелителя господа нашего Иисуса писал сие письмо многогрешный царь Алексей рукою своею"[12]. В итоге изменения в трактовке "меры", "чина", "чести" и т.д. в самой обширной сфере — сфере службы, происходили под видом старого, традиционного, не пугающего.

Эмоциональная натура царя тяготела к оценкам этическим. Тишайший, конечно, не сомневался в том, что ему должны служить —

* Т.е. соответствие образцу.

но он требовал, чтобы ему служили чрезмерно. Положительные определения, которые обыкновенно применяли к службе — служба "прямая", "явная", "прилежная", "храбрая", "отменная", "безо всякия хитрости"[13] — далеко не всегда устраивали его. Он жаждал большего. Ему нужна была служба "всем сердцем", "радостная", "нелицемерная". Царь без устали призывал "нераденье покрывать нынешнею своею службою и радением от всего сердца своего и всякую высость оставить"[14].

Служебное рвение, служба "со всяким усердством" были для Алексея Михайловича критерием, по которому он судил о преданности служилого человека и в соответствии с этим выстраивал к нему свое отношение. В письме к боярину и дворецкому В.В.Бутурлину царь писал: "...Ведаешь наш обычай: хто к нам не всем сердцем станет работать, и мы к нему и сами с милостью не вскоре приразимся"[15].

Второй Романов, хотя и не всегда последовательно, старался выдержать эту линию. Когда царский любимец Ф.М.Ртищев добился в 1655 г. от гетмана Сапеги признания "новоприбылых титулов" Алексея Михайловича (царь и великий князь Малой и Белой Руси), его служба была названа "великою" и "прямою". За ту службу "без челобитья твоего" Ртищева пожаловали в окольничии и положили оклад не в образец, "потому что и служба твоя к нам, великому государю, отмена... Такого и не бывало, чтобы титл с новоприбылыми титлами без ратной брани, неучиня мир получать"[16].

В похвальной грамоте легко угадывается редактура Алексея Михайловича, перекликавшаяся с первой восторженной реакцией Тишайшего на неожиданный успех, выразившейся в приписке на полях грамотки: "Вот гораздо".

То, что царь придавал своим оценкам службы большое значение, свидетельствует правка грамот. Он старательно искал определения, адексатные, по его мнению, заслугам адресата. В милостивой грамоте боярину В.П.Шереметеву Тишайший заменил "безмерные службы" на "прилежную службу". И это вполне объяснимо: царская похвала, начавшись во здравие, заканчивалась за упокой. Похвалив киевского воеводу за службу, автор письма непременул выговорить ему по поводу самовольного освобождения шляхты: "То [ты] зделал негораздо, позабыв нашу государскую милость к себе, нас, великого государя, прогневил, а себе вечное безчестье учинил: начал добром, а совершил бездельем"[17]. Понятно, что после такого замечания говорить о "безмерной службе" Шереметева стало просто неудобно.

Ощутима стилистика Тишайшего и в грамоте, адресованной служилым людям царского полка в июле 1655 г. Алексей Михайлович требует хранить его повеление (о прощении беглых людей из полков с условием более не повторять этого проступка) "яко зеницу око, со всяким радостным страхом и трепетом и за его... милость платить

службою и кровью, а ваша служба у него, великого государя, в забвеньи не будет"[18].

Требование "радетельной службы", "службы всем сердцем" в глазах второго Романова — необходимое условие для точного исполнения царской воли. Всякая неудача — результат своеволия, гордыни, нерадения. Воевода И.А.Хованский, испугавшись именно такой трактовки своих военных неудач, поспешил отвести от себя подозрения таким "провиденциальным" рассуждением: "...А где, государь, и упадок твоим ратным людям и то в воле великого Бога, воле его праведны кто противиться может"[19].

Особенно часто Алексей Михайлович касался темы службы в переписке с А.Л.Ордин-Нащокиным. Для последнего служба была потребностью первейшей — он жил и дышал ею. "То мне в радость, чтобы больше службы",— писал он царю и, зная биографию Афанасия Лаврентьевича, едва ли стоит подозревать его в лукавстве. Жалуя в 1658 г. Ордин-Нащокина в думные дворяне, Тишайший хвалил его за то, что тот "радел о наших государских делах мужественно и храбро и до ратных людей ласков, а вором не спускаешь". Здесь же и традиционное в устах царя обещание: если новоявленный член думы станет стараться "выше прежнего", то его служба "забвена николи не будет"[20].

Царь хвалит Ордина за радетельную службу, или, если прибегнуть к языку "Урядника", за "стройству" — действие. Но для него через "стройство" Ордин являл всем красоту, честь и меру, вел себя по образцу.

Напротив, нарушение "образца", действие не по "мере" вызывали резкую отповедь. Когда сокольничий Борис Бабин "погнушался... нашему государеву соколничью чину и стал считаться с Михеем Тоболиным, что он по городу служит", то Алексей Михайлович повелел виновного нещадно бить батогами и вымарать из чина, после чего Бабин три недели "волочился", выпрашивая прощение. Обиженный государь против обыкновения простил "наполовину": Бабина назад в сокольничии не взяли, а написали стремянным конюхом к грузинскому царевичу. В этом назначении была своя полуприкрытая насмешка, побуждающая остальных сокольничих к еще большему рвению.

Любопытно, что эта грамотка к "избранным сокольникам" была дважды правлена Алексеем Михайловичем, который каждый раз находил все более язвительные определения проступку неблагодарного Бабина. Царь не удовлетворился просто словом "погнушался" и приписал перед ним "нашею милостию", в результате чего получилось "нашей милостию погнушался нашим государевым милостивый соколничьим чином". Сам проступок был объяснен "беспутной дуростью" Бабина. Примечательна вторая правка царя, в который он развивал тему службы. Если раньше Алексей Михайлович призывал

сокольничих "наипаче прежнего простиратца и служить", обещая, что "служба ваша николи забвена не будет", то теперь решил и пригрозить, требуя "дурны всякие обычаи прежнии отставить". Все это было писано в июле 1655 г. близ Шклова, в самый разгар военных действий. Тем не менее происшедшее так задело молодого государя, что он нашел время дважды возвращаться к этой теме — штрих незначительный, но вместе с тем и показательный.

Еще пример: однажды царские сокольники, обеспокоенные задержкой жалованья, ударили челом государю. Царь был сильно раздосадован этим обращением, посчитав его чуть ли не "заговором". В ответ сокольникам было направлено гневное послание, где Алексей Михайлович писал, что на днях собирался сам их пожаловать и жалованье было даже готово: "И вы того не дождалися и завели воровски челобитье". "Вспомяните,— напоминал царь,— кто каков был и каков пришел, и каков ныне стал..., за милость Божию и за ево государево жалованье можно бы и унять"[21]. В контексте "Урядника" понятна логика царя: взятые из низших чинов, "непородных людей" и пожалованные сверх меры, сокольники должны были служить безропотно, довольные уже только тем, что они — сокольничии.

Службомания Ордин-Нащокина вовсе не означала полного тождества его понимания службы с пониманием Алексея Михайловича. В частности, они расходились в степени самостоятельности служилого человека, причем именно Алексей Михайлович демонстрировал противоречивость своих позиций. Тогда как традиция самодержавной власти требовала полного послушания служилого человека, новые масштабы и характер государственной деятельности подталкивали к большей самостоятельности и инициативе. К последнему стремился Ордин-Нащокин. Но граница послушания и независимости была слишком неопределенной и небольшой "заступ" ее тотчас вызывал недовольство и обвинение, в том числе и Афанасия Лаврентьевича, в "высокоумии" — грехе для государя непростительном. При всех своих колебаниях и свойствах характера царю ближе было неукоснительное следование статьям наказа, чем граничившая со своеволием инициатива. Это вполне устраивало основную массу инертных служилых и приказных людей. Дьяк Томило Истомин, служба которого исчислялась им самим в 65 лет, ставил себе в заслугу в 1664 г., что в приказах он никому "недруживался" и "ни почему человекоугодию нечево не делывал, служил тебе, великому государю, аки Богу, беспорочно, никому ни в чем не угожаючи"[22].

Заметим, что в рамках древнерусского сознания задача найти "разумное" соотношение между послушанием и самостоятельностью оказалась почти неразрешимой. Проблему унаследовал и разрешил век XVIII, но и здесь сохранились неодолимые преграды, возведенные самим существом абсолютизма.

Характерно, что Алексей Михайлович, не отрицая высоты "отеческой чести", настаивал на подкреплении ее безупречной службой. Здесь он применял понятие "меры", которая, если и не разрушала понятие "отеческая честь", то основательно подрывала ее. Боярская честь "совершается на деле в меру служебной заслуги",— писал он В.Б.Шереметеву. При этом царь не упускает случая поморализировать: бывает и так, замечает он, что иные, у кого родители в боярской чести, "сами и по смерть свою не приметши той чести"; другие же примерные слуги, много лет прожив без боярства, под старость взводятся в ту боярскую честь. Отсюда вывод — непристойно боярам хвалиться, что "та их честь породная, и крепко на нее надеяться, а благодарить надо Бога, если он за их службу обратил к ним сердце государево во всякой милости"[23]. По "Уряднику", честь то, что "укрепляет и возвышает ум", честью "ум славитца". Честь в такой интерпретации не столько семейно-родовое, сколько личное достояние, приобретенное через службу и закрепленное чином, без чего ничто и никто "не утвердитца и не укрепитца".

Конечно, от подобного рассуждения до знаменитой Петровской фразы: "Знатное дворянство по годности считать" дистанция еще солидная. Но нельзя не видеть несомненную симпатию Алексея Михайловича к личной заслуге. "Отеческая честь" в царской интерпретации становится скорее основанием для особенно радетельной службы государю, как обязанности "породных людей".

Именно поэтому царь много болезненнее реагировал на любой проступок "породного человека", чем на нерадение "худых, обышных людишек". В подобных случаях он не скупился на убийственные оценки и грозные обвинения. В 1655 г. стольник М.Плещеев, задержавший отпуск хлебных припасов из Смоленска, был уличен во лжи и приговорен думой к кнуту и ссылке. Алексей Михайлович изменил наказание, велев писать Плещеева по московскому списку. Однако при этом он велел перечислить служебные качества провинившегося, свидетельствующее о его жизни не по чину и службе не по мере: он де и клятвопреступник, и ябедник, и, главное, "бездушник"[24].

Нечто подобное произошло с уличенным в вымогательстве князем А.Кропоткиным. Виновного на этот раз написали по Новгороду со столь же уничижительным — здесь вновь хорошо ощутима натура Алексея Михайловича — определением в разрядной книге: "Вор и посульник"[25].

Не менее жестоко пострадал в 1659 г. за ложь окольничий князь И.И.Лобанов-Ростовский, постаравшийся сокрыть историю неудачного приступа к Мстиславлю. "От века того не слыхано, чтоб природные холопи государю своему... писали неправды и лгали",— возмущался Тишайший, для которого правдивость — непременное условие "прямой службы"[26]. Возмущение царя было тем сильнее,

что отправляя окольничего на службу, ему наказывали "изустно о Божии и о нашим великого государя деле промышлять со всяким радением, отложа всякую гордость и спесь". Лобанов-Ростовский про то обещал "и то свое обещание забыл". Письмо к Лобанову-Ростовскому сохранилось в нескольких редакциях, со следами тщательной правки Алексея Михайловича. Царь выговаривает окольничему, что тот "уповал на свое человечество и дородство", забыв "сокрушити сердце свое пред Богом и восплакать в храмине своем тайно предо образом Божиим о победе"[27].

Нельзя не заметить, какую большую роль в рассуждениях царя играет категория меры. Конечно, меры в высоком смысле установлена самим Богом, мера — Устав. Но именно поэтому царь обязан отмерять всем положенную им по "чину" и делами — "стройству" — меру. В письме Алексея Михайловича боярину Н.И.Одоевскому с известием о смерти его сына категория "мера" присутствует в нескольких вариантах: умирающий при причащении проливает слезы "безмерные"; Н.И.Одоевскому Тишайший советует "через меру не скорбеть", хотя, конечно, "прослезиться надобно, да в меру". Царь точен в акцентах. Родные, в отличие от умирающего, не должны пребывать в чрезмерной скорби, ведь последнему уготованы "небесные абители", его "...Бог изволил взять милуючи, не дал ему болших грехов дожить, видя ево доброе житие"[28]. При таком взгляде понятна та тщательность, с какой Алексей Михайлович отмеряет награду за хорошую и наказание за плохую службу. Понятно и стремление царя объяснить свое решение. Здесь не одно неистребимое "учительство" Тишайшего, а и сущностное проявление понятия меры.

В случае опалы или провинности царем прописывался универсальный рецепт исправления — все та же служба. В московской практике такая рецептура не была новостью — она покоилась на традиции и прочной нормативной базе. К примеру, в конце Смоленской войны, когда правительству приходилось жесточайшими мерами бороться с бегством ратных людей из полков, для всех вернувшихся делали исключение: "...И у тех поместей не отнимать, для того, что они вины свои покрыли службою"[29].

Алексей Михайлович с его склонностью к нравоучению поднял эту мысль на новую высоту. Прощая в 1654 г. дворян-нетчиков, царь решительно отметал их оправдания типа "лошади встали" (то "враг такие речи вселяет",— писал царь) и грозил им суровым наказанием при повторном непослушании. Виновным же следовало свои прегрешения "покрывать службою и кровью с радостью, памятуя его государеву милость"[30].

Еще одна мысль, настойчиво внушаемая царем — всякая служба государю почетна. В контексте последующего развития утверждение такого взгляда было необходимым условием для перехода к абсолютистским принципам службы, отказа от местнической практики.

"Урядник сокольничьего пути" дал образец службы для чина сокольничих. Однако он перерос частный случай службы на государевом Потешном дворе. Речь шла об идеальном с точки зрения царя Алексея служилом человеке. По "Уряднику", служилый человек должен был "во всем добра хотеть от всея души своея, и служить и работать верою и правдою, и тешить нас, великого государя, от всего сердца своего до кончины живота своего". Царь определял смысл истинного служения-послушания, доведенного до уровня повседневного поведения. Послушание значит "во всякой правде быть постоянну и тверду", слушаться "однослову", отступаться от всякого "дурна" и о "плутовстве" и непослушании доносить, обязанности свои выполнять "прилежно и безскучно", своих сокольников "любить что себя". Перед нами — целый кодекс служебной чести, образец, или точнее, типикон идеальной службы. Однако нельзя не заметить в этом образце противоречия. Устраивая все по образцу, распределяя по мере и чину, то есть все регламентируя, автор "Урядника" одновременно осознает потребность своеобразного служебного "раскрепощения". Он требует службы "всем сердцем", с "радостью". В итоге чин сталкивается с инициативой, служебной типикон — с личностью. Правда, царь еще не улавливает этого противоречия и не разрешает его.

Нельзя не обратить внимания на настойчивый лейтмотив службы "всем сердцем". Мы видим в этом отражение общего процесса обмирщения культуры, раскрепощения человека. В рамках строжайшей, мелочной регламентации нарастает апелляция к личности.

Конечно, требования к службе закреплялись не только в одном "Уряднике" или царских письмах. Здесь и акты, такие, как клятвоцеловальные записи разных чинов. Интересны, к примеру, с этой точки зрения жалованные грамоты на выслуженные вотчины. Во время и после Смуты в заслугу особенно ставилась служба "верная", какой можно было снискать честь и передать ее, как бесценное состояние, потомкам. Так, еще в 1615 г. в грамоте на выслуженную вотчину К.В.Чаплину, который в смутное "время стоял крепко и мужественно и многою службу показывал", были внесены примечательные строки: грамота была дана в род внукам и правнукам, чтоб "их великое дородство и храбрая служба за веру и за свое отечество последним родом было на память, и их бы службы и терпенье воспоминая впред дети"[31].

В 1670 г. подобной похвалы в связи с Андруссовским перемирием удостоился Б.П.Власьев. Его выслуженная вотчина отдавалась в род "неподвижно, чтоб наше царское жалованье и их великое дородство и храбрая служба за веру и за нас, великого государя, и за свое отечество последним родам было на память, и на их бы службы дети его и внучата, правнучата, кто по нем роду его будет, также за

веру Христову и за святые Божия церкви и за нас, великого государя, и за свое отечество стояли мужественно"[32].

Индивидуальные пожалования к этому времени уже соседствовали с аналогичными коллективными пожалованиями. Так, по заключению Бахчисарайского мира всем разрядам служилых людей по отечеству за их "храбрыя и явныя и отменныя службы" жаловали часть поместных дач в вотчину. Сделано это было, как гласил указ, "чтоб ваши службы вперед... были явны, и впредь будущим родом на память"[33].

Одновременно в очередной раз подтверждалась важная мысль — службы за государем никогда на останутся "забвены".

Для дворянства не был тайной правительственный взгляд на службу. Официально-нормированная модель поведения предполагала демонстрацию служебного рвения. Все иное осуждалось. Обвинение в нерадении, в плохой службе воспринималось как покушение на дворянский статус. В своей долгой тяжбе с И.А.Хованским помещики новгородского полка, к примеру, подчеркивали оскорбительный характер выражений несдержанного на язык Тараруя: "Называл их *неслугами* и *небойцами*[34].

Конечно, на деле патетическое отношение к службе, декларируемое служилыми людьми, сильно расходилось с действительностью. И все же нельзя не видеть, что многое из того, что с правительственной точки зрения почиталось как идеальная служба, становилось нормой уже в XVII столетии.

Даже в исполнении такого "строптивого" человека, как И.А.Хованский. Он часто вызывал гнев Алексея Михайловича, постоянно нарушая служебные заповеди. В итоге в 1660 г. после поражения под Ляховичами князь впал в немилость. Но легко было при нехватке толковых людей найти воеводу хуже Хованского, много труднее — лучше. Оттого в январе 1661 г. гнев был сменен на милость и Хованский получил государеву грамоту с прощением. Иван Андреевич возрадовался. Он, как, впрочем, многие из царского окружения, хорошо знал, как лучше всего отблагодарить Алексея Михайловича. Многословный на поучения и осуждения царь любил не менее многословные послания-благодарности. "Да я,— заливался Хованский,— видя такую твою пресветлую и неизреченную милость к себе, с радостными слезами Свету живодавцу Христу хвалу воздаю милосердия ради своея милости помиловал меня грешнаго и твое праведное сердце умягчил ко мне беззаступному... Чем такую пресветлую милость заплатить? Ни головою своею не заплатить! Рад служить и умереть за тебя..."

Послание вполне созвучно со вкусом и пристрастиями царя. Сколько раз он поучал бояр, чтобы те не надеялись на свое "высокоумие" и породу, а только на милость Бога и его, царя. Сколько раз он требовал от них службы всем сердцем, без остатка.

У Хованского что ни слово — то в десятку. Царь от такой благодарности должен был воздыхать и утирать слезы[35].

Изучение темы службы в "исполнении" Алексея Михайловича позволяет приоткрыть многое в мотивах и логике его поступков, в ценностных ориентациях. Перед нами — своеобразное преломление духовно-нравственных веяний эпохи через человеческую личность с только ей присущей индивидуальностью, темпераментом, мироощущением. Судьба вознесла эту личность на вершину общественной пирамиды, придав ей значение, которое едва ли соответствовало ее истинным масштабам. Тем не менее в личности второго Романова не просто отражалось время. Он был причастен к созданию будущего, стал исходом преобразовательного движения. Во взглядах царя на службу (т.е. на один из самых главный "инструментов" реформ) переплелось старое и новое, уже свойственное иной эпохе. Так, в своем взгляде на службу он еще не отделяет себя от государства. Служат ему, государю. Но вот в его письмах промелькнула новая тема: он тоже служит. Летом 1655 г. сестры зазывали царя из военного похода домой. Алексей Михайлович, не без воздыхания, отвечал, что придется "помешкать до зимнева пути". Здесь же и обяснение: "Да разсудите себе, государыни мои: толи лучше, что по осени на время у вас побывать да по последнему пути апять на службу и с вами опять не видитца; или то лутчи, что ныне помешкать да вовсе... отделатца и вовсе с вами быть на Москве"[36]. В этом обыденном рассуждении царь мало отличен от простого дворянина. Он тоже служит и тоже мечтает "отделатца" от службы. Отсюда уже один шаг до петровского разделения службы царю и Отечеству.

В нашем представлении, служба и сопряженные с ней понятия, как таран, рушили старые отношения. Причем самый подвижный элемент здесь — "чин". В противоположность мере (уставу), категории менее подвижной, предполагается активное участие государя в устроении чина по мере, достижение "мерности". В контексте нашей темы у служилого чина главное проявление меры — служба. Царь ее устанавливает, определяет, "кладет". В "Уряднике" это определение чина "по мере" реализуется досконально, до мелочи, подобно тому, как позднее Петр "Генеральным регламентом" даст образец устройства и порядка работы коллегий. Это не прихоть, а устроение благочинного совершенного миропорядка.

Л.А.Черная, анализируя изменения понятия чести, отмечает разрушение в XVII столетии прежней связки, свойственной средневековью: честь по достоинству — достоинство по чину — чин по породе. По мнению исследователя, сначала выпадает последнее звено — "чин по породе", следом расшатывается связка "честь — чин"[37]. Можно усомниться в степени ослабления последнего элемента даже для XVIII столетия. Но суть не в этом: наблюдения над литературными памятниками совпадают с общественно-политичес-

кими процессами. Обращение к теме службы как раз и показывает, как происходил этот процесс. Алексей Михайлович еще чтит "честь и чин по породе". Но он более, чем его предшественники требует, чтобы "честь" была подтверждена "службой", личными заслугами. Этическая модель Алексея Михайловича — радетельная служба по образцу, чести и чину. В том — красота и благочиние.

Меняется отношение к настоящему. Раньше настоящее — эхо вечности, ныне — в трудах зарождающееся будущее. Отсюда, по тонкому замечанию А.М.Панченко, идея быстротечности времени, страх не успеть — характерный стимул Алексея Михайловича. Надо успеть сделать. Следует трудиться во спасение[38]. И царь не только требует этого от других, он и сам пребывает в непрестанных трудах, поучая, как надо служить. Конечно, учительство — любимое занятие царя. Но это уже и целое мировоззрение. Не случайно равным элементом в этической модели царя присутствует "стройство" — дело, без которого утрачивается чин и честь, не проявляется мера.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Державина О.А., Демин А.С., Робинсон А.Н. Появление театра и драматургии в России XVII в. // Первые пьесы русского театра. М., 1972. С. 51–55; Душечкина Е.В. Царь Алексей Михайлович как писатель: (Постановка проблемы) // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление традиции. М., 1978. С. 184–188; ПЛДР. XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 286–288, 620; Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. Часть 1. С. 70–72.

[2] См.: РГАДА. Ф. 27, д. 52. Первый и второй (незаконченный) рукописные списки: часть 1 и часть 4. Трудно, однако, сказать, какой из списков был окончательным.

Известны также списки БАН, 32.4.28 и I.А.25, XVIII в. К сожалению, они оказались для нас пока недоступными. По существующему мнению, последние два списка идентичны известным изданиям "Урядника" (т.е. по списку: РГАДА. Ф. 27, д. 52. Ч. 1).

[3] Гурлянд И.Я. Приказ великого государя Тайных Дел. Ярославль, 1902. С. 62–64.

[4] См.: Душечкина Е.В. Указ. соч. С. 185; Робинсон А.Н. Зарождение концепции авторского стиля в украинской и русской литературах конца XVI-XVII века. // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.). М., 1971.

[5] РГАДА. Ф. 27, д. 86. Ч. 1. Л. 264–264а.

[6] ПЛДР. XVII век. Книга вторая. С. 290.

[7] См.: Смирнов П.П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века. М., 1915; Сташевский Е.Д. К истории дворянских челобитных. М., 1915; Новосельский А.А. Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в. / Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. М., 1975.

[8] Сторожев В. Тверское дворянство в XVII в. Вып. 3. Состав Бежецкого дворянства по десятням XVII в. Тверь, 1895. С. 82.

[9] РГАДА. Ф. 210. Моск. стол, д. 80. Л. 111–114а. № 7289.

[10] ААЭ, П, № 162.

[11] ПЛДР. XVII век. Книга вторая. С. 286.

[12] Труды... С. 770–771.

[13] Часть этих определений обычно присутствовала в клятвоцеловальных записях, уделявших теме службе огромное внимание. См.: ПСЗ, I, № 69, 86.

[14] Труды Российского Императорского Археологического общества. М., 1869. Т. 2. С. 749. (Далее Труды...).

[15] Там же. С. 732.

[16] РГАДА. Ф. 27, д. 111, оп. 1. Л. 12.

[17] Там же, д. 92, оп. 1. Л. 1–6; Труды... С. 736. По наказу В.П.Шереметев мог отпустить шляхту в том случае, если она сдалась сразу, не оказывая сопротивления. Но этого не случилось. № 6824.

[18] ПСЗ. I. № 160.

[19] РГАДА. Ф. 210. Прик. стол., д. 469. Л. 37. № 6870.

[20] Там же. Ф. 27, д. 119, оп. 1. Л. 110. № 6859.

[21] Там же, д. 549.

[22] Там же. Ф. 210. Моск. стол., д. 364. Л. 40. № 7724.

[23] Труды... С. 351–352.

[24] ПСЗ. I. № 170.

[25] Там же. № 123. № 9046.

[26] Труды... С. 743.

[27] РГАДА. Ф. 27, д. 150. Л. 16–47.

[28] Труды. С. 702–705.

[29] Там же. Ф. 210. Моск. стол., д. 580. Л. 584.

[30] Там же. Ф. 27, д. 101. Л. 9–11. № 6794.

[31] Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И.Щукина. М., 1896. Ч. 1. С. 130–121. № 7202.

[32] Власьев Г. Род Дворян Власьевых. СПб. С. 142–145. № 6549.

[33] ПСЗ. П, № 863. № 9024.

[34] Там же. Ф. 27, оп. 1, д. 105. Л. 33. № 6834.

[35] АМГ. III. № 336.

[36] Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1896. Т. V. С. 38–39.

[37] Черная Л.А. “Честь”: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI-XVII вв. // Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991. С. 84.

[38] См.: Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 51–56.